

Михаил Лермонтов. Княгиня Лиговская

РОМАН

OCR Pirat, июль 2004 г.

ГЛАВА I

Поди! – поди! раздался крик!

Пушкин.

В 1833 году, декабря 21-го дня в 4 часа пополудни по Вознесенской улице, как обыкновенно, валила толпа народу, и между прочим шел один молодой чиновник; заметьте день и час, потому что в этот день и в этот час случилось событие, от которого тянется цепь различных приключений, постигших всех моих героев и героинь, историю которых я обещался передать потомству, если потомство станет читать романы, – итак, по Вознесенской шел один молодой чиновник, и шел он из департамента, утомленный однообразной работой, и мечтая о награде и вкусном обеде – ибо все чиновники мечтают! – на нем был картуз неопределенной формы и синяя ваточная шинель с старым бобровым воротником, черты лица его различить было трудно: причиною тому козырек, воротник, – и сумерки; – казалось, он не торопился домой, а наслаждался чистым воздухом морозного вечера, разливавшего сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлям домов, – соблазнительным блистаньем магазинов и кондитерских; порою подняв глаза кверху с истинно-поэтическим

110

умилением, сталкивался он с какой-нибудь розовой шляпкой и смутившись извинялся; коварная розовая шляпка сердилась, – потом заглядывала ему под картуз и, пройдя несколько шагов, оборачивалась, как будто ожидая вторичного извинения; – напрасно! молодой чиновник был совершенно недогадлив!.. но еще чаще он останавливался, чтоб поглазеть сквозь цельные окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолепной позолотой. Долго, пристально, с завистью разглядывал различные предметы, – и, опомнившись, с глубоким вздохом и стоическою твердостью продолжал свой путь; – самые же ужасные мучители его были извозчики, – и он ненавидел извозчиков; "барин! куда изволите? – прикажите подавать? – подавать-с!" – это была пытка Тантала, и он в душе глубоко ненавидел извозчиков.

Спустясь с Вознесенского моста и собираясь поворотить направо по канаве, вдруг слышит он крик: "берегись, поди!.." – прямо на него летел гнедой рысак; из-за кучера мелькал белый султан, и развевался воротник серой шинели. Едва он успел поднять глаза, уж одна оглобля была против его груди, и пар, вылетающий клубами из ноздрей бегуна, обдал его лицо; машинально он ухватился руками за оглоблю и в тот же миг сильным порывом лошади был отброшен несколько шагов в сторону на тротуар, ... раздалось кругом: "задавил, задавил", извозчики погнались за нарушителем порядка, – но белый султан только мелькнул у них перед глазами и был таков.

Когда чиновник очнулся, боли он нигде не чувствовал, но колена у него тряслись еще от страха; он встал, облокотился на перилы канавы, стараясь прийти в себя; горькие думы овладели его сердцем, и с этой минуты перенес он всю ненависть, к какой его душа только была способна, с извозчиков на гнедых рысаков и белые султаны; –

Между тем белый султан и гнедой рысак пронеслись вдоль по каналу, поворотили на Невский, с Невского на Караванную, оттуда на Симионовский мост, потом направо по Фонтанке, – и тут остановились у богатого подъезда, с навесом и стеклянными дверьми, с медной блестящею обделкой;

– Ну, сударь, – сказал кучер, широкоплечий мужик с окладистой рыжей бородой, – Васька нынче показал себя! –